

Французские документы о начале Второй мировой войны

А.Н. Артизов, С.В. Кудряшов

Федеральное архивное агентство
Германский исторический институт в Москве

В 2018 г. Росархив, МИД России и Российское историческое общество подготовили масштабный историко-документальный проект (выставка и интернет-публикация), посвящённый предыстории и последствиям Мюнхенского соглашения (ноябрь 1937 – март 1938 гг.)¹. В год восьмидесятилетия начала Второй мировой войны готовится продолжение проекта: выставка и интернет-публикация, в основе которых – архивные документы, охватывающие события с середины марта по последнюю декаду сентября 1939 г.

Предлагаем читателю публикацию выявленных для этого проекта французских документов. Они хранятся в Российском государственном военном архиве в фонде «Военное министерство Франции. Военные округа, укрепленные районы, армии, корпуса, дивизии, полки, бригады, военные учебные заведения и другие военные учреждения» (РГВА. Ф. 198к). Фонд содержит материалы о деятельности высших военных органов Франции и их подразделений, включая документы Высшего военного совета национальной обороны Франции, Военного министерства, Ставки главного командования, а также документы штабов полков и гарнизонов французских военных крепостей.

После окончания Второй мировой войны эти документы были перемещены из Германии в Москву и впоследствии включены в состав фондов иностранного происхождения РГВА. В 1993–1994 гг. на основе двусторонних межправительственных соглашений о сотрудничестве в области государственных архивов, о выявлении и возвращении архивных документов и на основе Федерального закона от 15 апреля 1998 г. № 64-ФЗ «О культурных ценностях, перемещённых в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» документы фонда 198к были переданы Франции. Наиболее ценные из переданных документов микрофильмированы, их копии оставлены на хранении в РГВА на правах подлинников.

Публикуемые документы находятся в составе части фонда 198к (вторая опись), в которой собраны документы французских военных атташе в странах Европы, рассказывающие о политическом и экономическом положении государств, состоянии их вооружённых сил, политической и военной обстановке в оккупированных

УДК: 327.51

Поступила в редакцию 19.06.2019 г.

Принята к публикации 21.06.2019 г.

¹ Мюнхен – 38. На пороге катастрофы: каталог историко-документальной выставки: Москва, Выставочный зал федеральных архивов, 19 сентября – 14 октября 2018 г. – М.: Кучково поле Музеон, 2018. – 160 с.: ил.; Накануне и после Мюнхена. Архивные документы рассказывают. К 80-летию «Мюнхенского сговора». Электронный ресурс. URL: <http://munich.rusarchives.ru> (дата обращения: 09.07.2019 г.).

Германией странах, внешней и внутренней политике СССР, состоянии Красной армии, а также бюллетени разведывательных донесений 2-го бюро Генштаба французской армии. Оба документа: Записка французского военного атташе в СССР О.-А. Паласа министру национальной обороны и военному министру Франции Э. Даладье о стратегической обстановке на востоке Европы и её влиянии на позицию правительства СССР по вопросу заключения англо-франко-советского договора о взаимопомощи от 13 июля 1939 г. (РГВА. Ф. 198к. Оп. 2. Д. 466. Л. 43–50) и Донесение французского военного атташе в Польше Ф. Мюсса министру национальной обороны и военному министру Франции Э. Даладье о влиянии Польши на ход и итоги англо-франко-советских переговоров от 24 августа 1939 г. (РГВА. Ф. 198к. Оп. 2. Д. 292. Л. 148–166) – составлены на французском языке и публикуются в переводе на русский язык впервые.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Франция, Палас, Даладье, СССР, архивные документы, англо-франко-советский договор.

**Сопроводительное письмо французского военного атташе в СССР
О.-А. Паласа министру национальной обороны и военному министру
Франции Э. Даладье при записке по вопросу заключения
англо-франко-советского договора о взаимопомощи**

г. Москва
№ 600/S

15 июля 1939 г.
Секретно
экз. № 1

О заключении
трёхстороннего соглашения
между Англией, Францией и
СССР.

Имею честь направить Вам для сведения при сём прилагаемую копию записки с изложением моего мнения о нынешнем положении переговоров относительно заключения трёхстороннего соглашения между Англией, Францией и СССР.

Эта работа была поручена мне нашим послом, г-ном Наджиаром, передавшим её содержание телеграфно в своё ведомство за № 699 от 15 июля.

Палас

**РГВА. Ф. 198к. Оп. 2. Д. 466. Л. 43. Подлинник.
Имеется печать французского военного атташе в СССР.
Перевод с французского яз. Л.И. Кудрявцевой.**

Приложение

**Записка французского военного атташе в СССР О.-А. Паласа
о стратегической обстановке на востоке Европы и её влиянии на позицию
правительства СССР по вопросу заключения англо-франко-советского
договора о взаимопомощи**

г. Москва
№ 599/S

13 июля 1939 г.
Секретно
экз. № 1

Записка

«Стратегическая обстановка на восточном фронте Европы.
Её вероятное влияние на позицию советского правительства
в переговорах относительно заключения трёхстороннего соглашения
между Англией, Францией и СССР»

Изучая нынешнюю стратегическую обстановку на восточном фронте, поражаешься её сходству с обстановкой, знакомой нам по сентябрю 1938 г.

Польша полностью изолирована от своих союзников, Франции и Англии, как это было с Чехословакией. По своей собственной воле она лишилась, на сегодняшний день, эффективной советской военной помощи, отказав в любом прохождении войск по своей территории.

Сегодня, так же как и в 1938 г., Россия может вести боевые действия против Германии на суше только в Восточной Пруссии, воспользовавшись проходом, полученным в результате переговоров с Эстонией, Латвией и Литвой или затребованным у них в благоприятный момент.

В нынешних условиях, таким образом, эвентуальные совместные действия с СССР против Германии могут быть проведены только в следующих формах:

- а) в виде материальной помощи Польше (сырьё, боевая техника...);
- б) в виде действий советского флота на Балтике; впрочем, эти действия очень сомнительны, поскольку в этом море СССР обладает очень незначительной протяжённостью берега и всего лишь одним военным портом Ленинграда – Кронштадтом, свобода которого в большой степени зависит от доброй воли Эстонии и Финляндии;
- в) в виде действий авиации, главным образом в Восточной Пруссии, по согласованию с Польшей;
- г) в виде концентрации советских войск в соответствующих пунктах своей западной границы для того, чтобы в любой момент осуществить быстрое вмешательство по защите Польши, которая, поразмыслив о своих интересах и своих обязательствах по отношению к союзникам, наконец, согласилась бы на помощь.

Надо признаться самим себе, что такие действия рискуют быть проведёнными слишком поздно, когда мы можем оказаться перед лицом уже разбитой Польши.

С другой стороны, если мы внимательно посмотрим на уже осуществлённые...² мирным путём завоевания Германии после Мюнхена (сентябрь 1938 г.), то увидим, что она начала окружение³ Польши путём аннексии, можно сказать к настоящему времени уже полной, Чехии и Словакии, так же как она начинала окружение Чехословакии с аншлюса Австрии.

Единственный благоприятный фактор заключается в более адекватной и более твёрдой позиции Англии, позволяющей подобную твёрдость и Польше, до тех пор, по крайней мере, пока та не столкнётся с суровыми реалиями боевых действий. Надо также признать, что за один год подготовка к войне Франции, Англии и СССР, кажется, заметно продвинулась.

Простой взгляд на современную карту (копия прилагается) позволяет убедиться в неблагоприятном стратегическом положении Польши, подвергаемой опасности на значительной протяжённости границ, которая уже соприкасается своим правым флангом с Восточной Пруссией и находится под угрозой укрепленного Мемеля, противостоящего такому же слабому государству – Литве.

В самом деле:

На севере кажется сомнительным, что Польша сможет удержаться в коридоре, где г. Данциг уже принадлежит немцам, которые не преминут предпринять значительные усилия, чтобы присоединить Померанию к Восточной Пруссии.

К тому же почти полная свобода действий Германии в Балтийском море позволяет ей морским путем доставлять в Восточную Пруссию всё необходимое подкрепление.

Даже если не принимать во внимание уже проделанную ею работу по устрашению прибалтийских стран, следует констатировать, что, захватив порт и укрепленный г. Мемель, она уже распространила свои действия за пределы Восточной Пруссии.

Город Варшава, столица Польши, может, таким образом, очень быстро оказаться под угрозой наступательных действий, исходящих соответственно из Восточной Пруссии и Силезии, на главных направлениях:

Зольдау – Варшава и Бреслау – Варшава.

Также наступление, берущее своё начало в Словакии, с главным направлением на Львов (Лемберг), позволило бы отделить польскую армию от её союзника Румынии.

При изучении противоположной задачи, кажется затруднительным здраво рассматривать гипотезу о польском наступлении в Германии, например, на Бер-

² Отточие документа.

³ Здесь и далее подчеркивания документа.

лин, так же как и скорое решение вопроса о Восточной Пруссии, Мемеле и прибалтийских странах, о которых говорилось выше.

Таким образом, мы рискуем увидеть Польшу изолированной, под господством Германии, с малыми издержками прикрывшей свой западный фронт, и побеждённой ещё до того, как Франция и Англия, слишком надолго задержавшиеся на линии Зигфрида, а потом на Рейне, смогли бы оказать ей действительную помощь.

Мне кажется всё более и более очевидным, что эти соображения не ускользнули и от советских военных, и от г-на Сталина, внешняя политика которого с каждым днём всё отчетливей направлена на защиту российских государственных интересов. Став в 1938 г. свидетелем того, что его соглашения о взаимопомощи с Францией и Чехословакией остались простым клочком бумаги, потому что они не были подкреплены военными договорами и потому что мы, кажется, постоянно уклонялись даже от простых трёхсторонних встреч [представителей] штабов, СССР, конечно, не собирается сегодня совершать те же самые ошибки.

СССР, как он многократно высказывал это, в том числе и перед открытием нынешних переговоров, согласится подставить себя под удар Германии только при условии удовлетворительного решения военной проблемы, в том случае, если он сочтёт [совместные] действия достаточно подготовленными и согласованными, чтобы поверить в успех и считать себя защищённым.

Настороженность и недоверие, возникшие в ходе переговоров, исчезнут только в случае выработки чётких договорённостей, устанавливающих обязанности каждого в случае агрессии.

Я не думаю, что СССР, изучив военную проблему, отныне согласится подписать и выполнять политический договор, если не будет убеждён в том, что соглашение может быть заключено на основе военных договорённостей, надёжно укрепляя, несмотря на всю упомянутую сложность, прочность восточного фронта.

Таким образом, мне кажется необходимым поскорее выяснить вопрос о том, что думают советское правительство и Генштаб в этом отношении, и полагаю, что должен быть быстро обеспечен контакт для проведения первой консультации французских и английских военных экспертов при советском Генштабе.

Я не знаю всего о намерениях советского Генштаба, поскольку никогда не имел случая задать по этому поводу конкретные вопросы.

Но в ходе переговоров г-н Молотов сообщил, что в силу взятых на себя обязательств, возложенных на него в готовящемся соглашении, советское правительство рассчитывает [выставить] в качестве своих военных усилий до 100 дивизий.

Очевидно, что эти военные усилия несоразмерны с помощью Польше, рассмотренной выше.

Действия русских, для которых эти силы предназначены, должны быть другого масштаба.

Лично я полагаю, что значительный вклад в дело союзников мог бы быть внесён СССР, если бы удалось, независимо от вышеупомянутой поддержки, убедить его обеспечить прикрытие правого польского фланга, подвергающегося серьёзной опасности.

В этом отношении представляются различные возможности, на которых я вкратце остановлюсь:

А. Наступление, никак не затрагивающее польскую территорию, но затрагивающее территорию прибалтийских стран.

Наступление на направлении Остров – Даугавпилс – Каунас – Кенигсберг, прикрываемое на севере действиями на направлении Псков – Рига – Мемель.

Б. Наступление, использующее ограниченную часть польской территории, очень маленькую часть латвийской территории и территорию Литвы.

Наступление на направлении Минск – Каунас – Кенигсберг, прикрываемое на севере действиями на направлении Полоцк – Даугавпилс – Мемель.

Совершенно очевидно, что подобные наступательные действия должны вестись на юге в тесном взаимодействии с польской армией.

Резюмируя всё, я считаю, что, если мы хотим добиться союза с Россией с целью создания группировки сил, действительно способной остановить агрессию и, может быть, избежать войны, следует:

- немедленно установить контакт с советским Генштабом;
- подготовить умонастроение поляков, уже расположенных к этому, к принятию наших предложений;
- может быть, подготовить прибалтийские страны, успокоив их и внушив им веру в нашу силу.

Наконец, позволю себе добавить, что считаю вполне возможным, что, если нам не удастся быстро договориться, то мы увидим, что СССР сначала самоизолируется, заняв нейтральную выжидательную позицию, а затем добьётся соглашения с Германией на основе раздела Польши и прибалтийских стран.

Генерал Палас
Военный атташе
Палас

РГВА. Ф. 198к. Оп. 2. Д. 466. Л. 44–50.

Подлинник.

Перевод с французского яз. Л.И. Кудрявцевой.

**Из донесения французского военного атташе в Польше Ф. Мюсса
министру национальной обороны и военному министру Франции
Э. Даладьё – о влиянии Польши на ход и итоги англо-франко-советских
переговоров по созданию единого антифашистского фронта
сопротивления**

№ 163/⁴

24 августа 1939 г.

Секретно

экз. № 1

Изложение событий, произошедших после предыдущего донесения 1	
Польский штаб и переговоры в Москве	1–17
Положение в Данциге	18
Немецкая кампания против Польши	19–20

Генерал Мюсс, военный атташе Франции в Польше
Мюсс

Изложение событий, произошедших после предыдущего донесения

В последние дни рост проводимых в Германии военных мероприятий, крайне разнузданные кампании в германской прессе и на радио свидетельствовали о том, что скоро давление на Польшу достигнет своей крайней точки.

Тем не менее, польское руководство сохраняло спокойствие и полную уверенность, и было невозможно убедить его согласиться пойти на уступки требованиям, представленным Советами нашим военным делегациям в Москве.

Отъезд в Москву г-на фон Риббентропа и возникшая в результате этого совершенно новая ситуация, наконец, поколебали эту непреклонность, но, по-видимому, слишком поздно.

Объявление об этой поездке очень обеспокоило политические круги; тем не менее, пресса сохраняла состояние полного спокойствия, и общественность не казалась взволнованной.

Сегодня советско-германский пакт – свершившийся факт.

Сегодня ночью польское правительство приняло решение значительно усилить меры предосторожности. Отмечаются многочисленные пограничные инциденты, германскими властями был арестован польский дипломатический курьер. Вероятно, события теперь будут развиваться стремительно.

Польский штаб и переговоры в Москве

Имею честь ниже доложить об исполнении возложенной на меня миссии ввести польский генштаб в курс военных переговоров в Москве и выслушать их предложения.

О состоянии переговоров в Москве и условиях, выдвинутых русскими, мне стало известно из телеграмм:

- генерала Думенка от 14 августа;

⁴ Так в документе. Литера «S» (указание на секретность) отсутствует.

- нашего посла в Москве, переданной в посольство в Варшаве, от 15 августа;
- Кэ д'Орсе⁵, касающейся беседы г-на Бонне с послом Польши, от 16 августа.

Кроме того, 17 августа в 21 час в Варшаву прибыл капитан Бофр, присланный тайно генералом Думенком. Он устно передал мне все полезные детали о последовательном ходе переговоров. Из его сообщения следовало, что переговоры застыли на мёртвой точке, что они практически прерваны; что их возобновление, кажется, зависит от благоприятного ответа польского генштаба, и, наконец, что время торопит, это возобновление не может быть отсрочено далее, чем на 20 или 21 августа⁶.

Первая беседа с начальником Главного штаба

На следующий день, 18 августа, в 11 час. 30 мин. я имел длительную беседу с генералом Стахевичем, начальником Главного штаба. В это же время посол Франции был принят г-ном Беком, который затем вечером принимал посла Англии, имевшего от своего правительства поручение поддержать французские предложения.

После того как я показал генералу Стахевичу уполномочивающий меня приказ, я сначала по поручению нашей делегации в Москве подтвердил ему, что никаких сведений, касающихся Войска Польского, не было и не будет передано русским.

Затем я по возможности полно обрисовал ему ситуацию, особенно выделив следующие моменты:

- значение, которое мы придаем созданию единого фронта сопротивления в Восточной Европе с участием русских, которое во многом может усилить его эффективность.
- К тому же, польское правительство само признало пользу его создания.
- Ещё более важно избежать провала [переговоров], последствия которого были бы неизмеримы; в тот момент, когда Гитлер колеблется между войной и миром, прекращение переговоров стало бы элементом, способным побудить его к самым худшим предприятиям. Польша заинтересована в этом в первую очередь.
- Нам известны ваши чувства, ваши возражения, мотивы вашей политической позиции, мы не просим вас изменить её, мы просим только дать возможность работать нашим представителям.

⁵ Кэ д'Орсе – Орсейская набережная р. Сены в центре Парижа, где находится здание французского Министерства иностранных дел. В дипломатическом обиходе под Кэ д'Орсе понимается само Министерство иностранных дел Франции.

⁶ Телеграмма г-на Наджиара вскоре подтвердила, что следующее заседание действительно назначено на 21 августа. (Примеч. док.)

– Однако, даже ограниченные вопросами коммуникаций, снабжения и транзита, переговоры не могут успешно продолжаться без участия или, по меньшей мере, молчаливого согласия польского генштаба.

– Если вы не хотите участвовать, окажите доверие генералу Думенку, точно укажите ваши потребности и ваши предложения, он изучит их и составит программу для рассмотрения с русскими. Именно так мы поступили в Анкаре; генерал Хюнтцигер вёл переговоры один, Англия затем давала согласие.

– Это не всё, русские проявляют решимость оказать коалиции эффективную, реальную, прямую помощь; они не хотят быть союзниками второй зоны, ограничиваясь снабжением сражающихся. К тому же, они хотят воевать на стороне Польши независимо от того, каким образом будет начата война; их предложение о сотрудничестве действительно во всех случаях, если Польша будет в состоянии войны с Германией.

– Но они уже сейчас очень хотят иметь уверенность в том, что их военные действия смогут быть осуществлены. Для этого следует изучить силы и средства:

- авиация,
- отправка боевой техники,
- подразделения технических войск, выделенные польской армии.
- Наконец, возможность использования советских войск на польской территории, в коридорах, границы которых были бы строго определены, например, на самом севере или на самом юге Польши.

– Подтвердить полномочия рассматривать эту возможность, вот что требовали русские от наших делегаций; вот в чём сейчас загвоздка; переговоры смогут возобновиться только, когда наши представители будут в состоянии дать благоприятный ответ.

– Для вас речь идёт только о принципиальном согласии, абсолютно секретном и только в военной сфере; оно может быть реализовано в избранной вами форме: либо договора, если вы согласитесь участвовать в переговорах, либо официозного согласия, пусть даже вашего молчаливого согласия нам; этого будет достаточно, чтобы позволить нашим делегациям рассмотреть с советскими представителями возможность использования коридоров на польской территории в обмен на формальное заверение со стороны русских не выходить за их пределы и не оставаться там.

– С этого времени генерал Думенк сможет основательно продвинуть разработку и обсуждение всех форм помощи, которую русские могут вам оказать, в частности, авиацией.

– Итак, к утру в воскресенье вы должны дать мне ответ, на который я обращаю ваше внимание; всё, что мы от вас просим, это не занимать позицию, которая неизбежно приведёт к прекращению переговоров.

– Я повторяю, что последствия провала [переговоров] были бы в настоящую минуту неизмеримы.

– Сравните их с тем, что мы у вас просим: молчаливое и ограниченное согласие в военном плане, так как нашим представителям, ведущим переговоры, кажется, что русские имеют в виду только стратегические соображения; к тому же, согласие предварительное, поскольку речь идёт только о возможности продолжить разработку, никаких окончательных решений не будет принято, пока мы не получим ваше одобрение.

– Взамен вы получите прямую и реальную помощь, имеющую своё значение, и, главным образом, гарантию ваших тылов и организацию ваших коммуникаций и снабжения по русской территории, организацию, которую было бы трудно импровизировать в нужный момент и которая должна быть тщательно подготовлена.

– Я знаю, что ваш замысел состоит в том, чтобы дождаться начала военных действий и тогда начать разговор с русскими, но тогда будет слишком поздно. Вы рискуете, особенно, если советское правительство будет не в духе из-за провала нынешних переговоров, столкнуться с Россией, занявшей сугубо нейтральную или даже недоброжелательную позицию, которая не станет оказывать помощь вашим тылам.

– Во всяком случае, тогда вы будете договариваться в неблагоприятных условиях, так как, будучи в состоянии войны с немцами, вы лишитесь свободы действий, вы подвергнетесь риску столкнуться со стороны русских с требованиями более жёсткими, чем те, что сформулированы сейчас.

– Ваш несомненный интерес заключается в том, чтобы эта проблема стала предметом переговоров сейчас, в то время когда вы не находитесь под давлением обстоятельств и когда переговоры ведутся Францией и Великобританией и при их поручительстве в масштабах всего Восточного фронта.

– Я повторяю, речь для вас идёт только о том, чтобы дать секретное и молчаливое согласие на продолжение обсуждения технических вопросов, не касающегося каких-либо политических вопросов, притом согласия, которое не обязывает вас к чему-то окончательному.

– Кажется, это сущий пустяк в противовес возможности избежать войны и, во всяком случае, вступить в неё с поддержкой русской авиации и опираясь на хорошо созданный Восточный фронт, а также в противовес серьёзности отказа.

Генерал Стахевич слушал меня с большим вниманием, не перебивая и делая многочисленные заметки. На большинство моих доводов он не произнёс ни одного возражения.

Он спросил меня, будут ли коридоры, выделенные русскими, открыты им автоматически в начале войны. Я ответил, что условия ввода советских войск на польскую территорию как раз входят в число вопросов для обсуждения, если переговоры продолжатся, и затем для утверждения польским правительством.

Потом он выразил удивление и недоверие в отношении предложений русских: «Я не могу поверить, что русские действительно хотят сражаться с немца-

ми; им так удобно оставаться на втором рубеже, Польша их прикрывает. Как, впрочем, практически могли бы развиваться их наступательные действия, в узких коридорах, в стране с плохо развитой системой коммуникаций! Где и как они придут в соприкосновение с германскими войсками? Я не представляю; это не реально. Это слишком явный блеф, шантаж; и в военной сфере они возобновляют ту же тактику шантажа, которой они следовали во время политических переговоров с вами. То, чего они добиваются, это получить над нами политическое превосходство, которое тяжело отразится на нашем будущем, так как, несмотря на обещание секретности, они не преминут воспользоваться ею. Если мы разрешим им войти на нашу территорию, они там останутся, обоснуются там и не пойдут дальше, под разного рода предложениями они не вступят в бой с немцами».

Мы долго дискутировали. Я вновь излагал ему мои аргументы, в частности, о тяжёлых условиях, в которых оказалась бы Польша на переговорах с СССР после начала военных действий. Генерал, напротив, полагал, что Москва в тот момент более чем в мирное время была бы расположена помочь Польше бороться с немцами, и что легко можно было бы достичь договорённости.

Я настаивал также на опасности провала переговоров в Москве; он не оспаривал это, сожалея о том, что мы оказались в тупике.

Что касается согласия на предложение русских, он видел его в самых мрачных красках: «Тогда неважно, будет ли война выиграна или проиграна, если русские будут на нашей территории, они там останутся; даже победив, Польша потеряет часть территории, ведь не будут же союзники воевать, чтобы вынудить советские войска покинуть “оккупированные районы”?»

В конечном счёте, он заключил: «Такое решение выходит за пределы моих полномочий, я доложу обо всем маршалу, который примет решение».

По результатам нашей беседы я отправил в Париж и в Москву телеграмму 150/S.

Позиция начальника генштаба оставляла мало надежды на благоприятный исход. Беседа, которую в то же самое время имел посол Франции с г-ном Бекем, оставила ещё менее воодушевляющее впечатление. Министр иностранных дел выразил то же недоверие, добавив, что с самого начала политических переговоров в Москве СССР маневрировал, чтобы свалить ответственность за их провал на Польшу. Кроме того, он настаивал на том, что если Польша совершит ошибку, согласившись на требования русских, рейх будет об этом информирован самими Советами и война станет неизбежной. Он согласился, однако, подумать об этом с главнокомандующими, но без особой надежды. На встрече с послом Англии г-н Бек оказался не в лучшем расположении.

Вторая беседа с генералом Стахевичем

В субботу, 19 августа, утром мой британский коллега, полковник Суорд, прибыл показать мне докладную записку, только что составленную им совмест-

но с одним из его товарищей из Министерства военно-морского флота Великобритании, с изложением преимуществ, прежде всего с морской и коммуникационной точек зрения, которые польский штаб получил бы в случае согласия на предложение русских. Он хотел показать эту докладную записку начальнику Главного штаба.

Я тотчас воспользовался этим случаем, чтобы вновь попытаться убедить генерала Стахевича и попросил его о встрече с просьбой отложить отправку польского ответа.

Он принял нас, полковника Суорда и меня, в 12 час. 30 мин. Он показался мне ещё менее расположенным, чем накануне, присоединиться к нашей точке зрения.

Он оспорил доводы полковника Суорда, касающиеся возможностей транзита через советскую территорию. «Советы, – сказал он, – покупают у нас уголь в Верхней Силезии, потому что они не могут обеспечить свои заводы своим русским углём из-за низкой производительности их транспортных средств».

Британский военный атташе высказал мысль о том, что можно было бы рассмотреть перевозки советских войск по польской территории в закрытых эшелонах, как это практикуется для германских военных перевозок через померанский коридор; он набросал план перевозок между Минской областью и железнодорожными узлами Вильно, Гродно, Белосток. Генерал резко возразил: «Гродно, Белосток – это же центр Польши, кроме того, армия не будет оставаться в эшелонах, ей нужны тылы, стало быть, территория». Что касается передвижения советских войск на севере Вильно, то он считает, что это иллюзорная операция по причине слабого развития в этом районе шоссейных и железных дорог, ведущей к тому же в Литву, а не в Восточную Пруссию.

Полковник Суорд согласился, что польскому штабу трудно принять требования русских *ex abrupto*⁷, в то время как они не имели возможности изучить вопрос, и, может быть, его мнение изменилось бы, если бы ему представили основательно составленный меморандум, в котором могли бы быть собраны все аргументы.

Начальник Главного штаба ответил, что никакая аргументация не могла бы побудить Польшу уклониться от священного принципа, определённого в качестве основного маршалом Пилсудским: ни в коем случае не допускать иностранные войска на польскую землю. «Учитывая наше географическое положение, этот принцип является основой нашей независимости, мы противопоставляли его немцам, он не менее приемлем и в отношении русских; напрасно Вы говорите мне, что вопрос касается только военной сферы; согласиться в мирное время на ввод иностранных войск на государственную территорию является, прежде всего, актом политическим, возлагающим ответственность на польское правительство, мы не допускаем даже мысли об этом, даже предположения, хоть на

⁷ *Ex abrupto* (лат.) – сразу, без подготовки.

одно мгновение, хотя бы в качестве военной игры. Впрочем, наша позиция по этому поводу хорошо известна, наше правительство много раз заявляло о ней, она никогда не менялась».

Главные слова были сказаны; после этого, зная поляков, было абсолютно очевидно, что они останутся неумолимы.

Между тем мы исчерпали все возможные формы компромисса. Начальник Главного штаба даже не пожелал рассмотреть использование русской авиацией польских площадок, повторяя, что это вопрос, который может ставиться только после начала военных действий. Прежде всего он был озабочен тем, чтобы не оставить ни малейшего сомнения в окончательном решении штаба и польского правительства ни в коем случае не допустить возможности ввода русских на польскую территорию и не пойти с ними ни на какие переговоры в мирное время.

Он постоянно возвращался к невозможности полагаться на обязательства, взятые Советами: «Мы здесь представляем три порядочные страны и мы взаимно верим в наши обязательства; с русскими – совершенно другое дело».

Относительно боеспособности советской армии, он привёл мнение германского военного атташе в Москве: «Способна оборонять свою территорию, не способна к наступательным действиям за её пределами».

Я вновь вернулся к идее меморандума, показывая генералу, что, если, на удачу, московские переговоры смогут продолжиться, там можно было бы провести чрезвычайно полезную работу, рассмотрев в целом сотрудничество всех элементов (поляков, русских, румын, турок), призванных создать Восточный фронт, что эти разработки, продолженные с помощью русских, могли бы привести к составлению документа, который он, несомненно, не отказался бы принять, если бы он был передан ему французским и английским генштабами. В этом документе были бы изложены различные формы, которые могла бы иметь советская поддержка; в интересах польского генштаба было бы очень [важно] ознакомиться с ним и сделать свои замечания.

С некоторым недоверием генерал Стахевич ответил, что он передаст маршалу это предложение, но, разумеется, польский генштаб ни в коем случае не изменит своего решения отказать русским в проходе или сотрудничать с ними.

Он также очень скептически отнёсся к полезности изучения с советскими представителями функционирования и улучшения коммуникаций. «Они ничего не сделают, – сказал он, – если разразится война, и они захотят нам помочь, это будет очень просто, можно будет использовать пути, служащие сегодня для торговых перевозок; у остальных низкая пропускная способность».

Было очевидно, что дискуссия только усиливает предвзятое мнение нашего собеседника; не оставалось ничего другого, как попытаться не потерять хоть какую-то способность к маневру нашей делегации в Москве и для этого не регистрировать определённый отказ со стороны польского штаба.

«Я вижу, каким будет Ваш ответ, – сказал я генералу Стахевичу, – но Вы пока не дали его мне официально».

«Я могу сделать это сейчас, у меня есть на это полномочия», – ответил он мне.

«Не давайте мне его, мы выяснили вопрос, но будет лучше, если наша делегация в Москве сможет вести себя так, как будто бы никакого вопроса вам не задавали».

Не без волнения генерал сказал нам, что он понимает предпринимаемые нами усилия, чтобы избежать прекращения переговоров, что он сожалеет, что не смог оказать нам в этом содействие и что он охотно согласится считать, что этот вопрос не был ему задан, если мы полагаем, что задача наших представителей в Москве от этого могла бы стать легче.

Он назначил нам новую встречу вечером, чтобы передать нам ответ маршала по поводу меморандума.

Последовавший телефонный звонок перенёс эту встречу на следующее утро, поскольку генерал должен был отлучиться.

Вечером посол Франции был принят г-ном Беком. Министр, признавая ценность некоторых наших аргументов, заявил, что польское правительство согласно с маршалом и поддерживает его позицию, что оно не желает иметь с СССР никакого военного соглашения и что оно не допустит, чтобы в какой-либо форме обсуждалось использование иностранными войсками части польской территории.

Было условлено, что этот ответ был дан *entre nous*⁸ и что польское правительство оставляет на наше усмотрение решать, если мы сочтём это уместным, был ли этот вопрос задан Польше.

Именно эту последнюю позицию, задолго до этой встречи, я поручил капитану Бофру, отбывающему в 17 час. в Москву, предложить нашей делегации, полагая, что та могла бы основывать на этом тактику, заключающуюся в контратаке русских на то, что их преждевременные и неточные требования не могут быть разумно представлены заинтересованным штабам до более глубокого изучения.

Третья беседа с генералом Стахевичем

Начальник Главного штаба принял нас, полковника Суорда и меня, в воскресенье, 20 августа, в 13 часов.

Он сказал нам, что вопрос закрыт ответом, данным накануне г-ном Беком и согласованным с маршалом.

Что касается меморандума, который возможно будет представлен польскому штабу и касается совместного сотрудничества на Восточном фронте, он подтвердил, что согласился бы ознакомиться с ним, но уточнил, что это никоим образом не означает, что Польша может изменить свою точку зрения, касающуюся ввода иностранных войск на её территорию.

⁸ *Entre nous* (франц.) – между нами.

Он счёл нужным уточнить, что не должно оставаться никакого сомнения по поводу бесповоротного решения польского правительства относительно этого вопроса и что в особенности надо избегать всего, что могло бы позволить Советам думать, что Польша способна в случае необходимости изменить позицию, которую она до сих пор занимала.

Я ответил генералу, что остаётся очень мало надежды на возможность продолжения московских переговоров, но, что, если дела повернутся другим образом, я надеюсь, что он не откажется, чтобы я держал его в курсе этих переговоров и что он согласится знакомить меня – строго между нами – с замыслами и потребностями польского штаба так, чтобы наши представители, ведущие переговоры, могли учитывать их в своих разработках.

У генерала не было никаких возражений, но он напомнил ещё раз о непоколебимой позиции, занятой Польшей.

Мы столкнулись с догмой, завещанной маршалом Пилсудским. Принимая во внимание менталитет польских руководителей, мы не смогли преодолеть это препятствие, однако точка зрения последних в отношении русских за последние шесть месяцев сильно изменилась.

Но это сближение, представляющее собой только некоторое улучшение атмосферы между двумя странами и практически поддерживаемое только в торговой области, оставляет незатронутыми основные положения польской политики.

Точка зрения польского правительства и штаба по этому вопросу всегда была чётко определена, и я неоднократно имел возможность в своих донесениях⁹ констатировать, что военное или политическое соглашение с Советами в мирное время, и особенно идея допустить советские войска на польскую территорию, полностью исключается. Только с началом военных действий можно было бы стремиться к заключению соглашения с Советами, в надежде на то, что германская угроза сделала бы их тогда гораздо более сговорчивыми.

Поляки не могут допустить, чтобы их территориальная неприкосновенность была поставлена под вопрос, даже под видом оказания им помощи. История широко подтверждает, по их мнению, этот принцип, основанный на равном недоверии в отношении их двух великих соседей.

Новое положение, явившееся результатом германо-советских переговоров

Заявление ДНБ¹⁰ о предстоящем заключении германо-советского договора о ненападении и поездке г-на фон Риббентропа в Москву 23 августа произвело здесь эффект разорвавшейся бомбы.

⁹ А именно, донесения от 11 января, 6 апреля, 19 июля, 2 августа 1939 года. (Примеч. док.)

¹⁰ ДНБ (нем. – Deutsche Nachrichtenbüro) – Германское информационное бюро.

Судя по первой реакции г-на Бека, принявшего посла Франции в ночь с 21 на 22 августа, и генерала Стахевича, с которым я встретился утром 22-го, они увидели в этом событии полное оправдание своего недоверия к Советам. Оба были очень спокойны и склонны считать, что положение мало изменилось, что позиция западных держав и Польши должна оставаться столь же непреклонной, к тому же надо подождать, чтобы определить реальное значение этого договора, и что г-н фон Риббентроп в свою очередь скоро познает неожиданности и разочарования, которые приберегает для своих партнёров двуличность советской дипломатии.

Сотрудники Министерства иностранных дел и 2-е бюро [Генштаба французской армии] были менее оптимистичны и расценивали положение как очень серьёзное. Пресса дня ограничилась констатацией официального сообщения ДНБ без комментариев, но политические круги были сильно взволнованы.

Начальник Главного штаба сказал мне, что он с маршалом разрабатывает меры предосторожности, которые, возможно, придётся принять.

Между тем, становится известно, что французская и английская военные делегации остаются в Москве и что заключение германо-советского пакта, кажется, не далеко продвинулось, а его значение более ограничено, чем это пытались представить новости из германского источника.

Инструкции, полученные послом Франции из Кэ д'Орсе в ночь с 22-го на 23-е, предписывали ему попытаться предпринять новый демарш в отношении польского правительства с целью убедить его отказаться, если возможно, от своего решения не давать согласие, даже молчаливое, на сотрудничество с Советами. Положение, в самом деле, коренным образом изменилось; стало необходимо и, кажется, возможно противодействовать германскому манёвру и, может быть, даже частично сорвать его, что позволило бы резко изменить впечатление, произведённое на общественное мнение в различных заинтересованных государствах. Но для этого было необходимо, чтобы Польша рассталась со своей непреклонной позицией, перечёркивающей всякую возможность переговоров с Советами, и которую она отныне не может сохранять, не взяв на себя тяжёлый груз ответственности.

Г-н Леон Ноэль 23 августа предпринял спешный демарш в отношении г-на Бека; министр, казалось, дрогнул, но попросил дать отсрочку с ответом, и новая встреча была назначена на 12 час. 15 мин.

На этой второй встрече г-н Бек уступил, не преминув вновь продемонстрировать глубокую неприязнь, которую испытывают поляки в отношении возможного ввода советских войск. Он согласился на следующую формулировку, определяющую речь генерала Думенка, теперь уполномоченного держать её перед своими советскими собеседниками: «Мы достигли уверенности, что в случае совместных действий против германской агрессии сотрудничество между Польшей и СССР, при технических условиях, которые надлежит определить, не исключено (или возможно).

Французские и британские штабы считают, что с того момента имеется основание для немедленной разработки всех условий сотрудничества».

По-видимому, такая формулировка открывает нашим делегациям достаточные возможности для переговоров. Для поляков она представляет значительную жертву, на которую они никогда бы не пошли, если бы перспектива германо-советского пакта не создавала непосредственной угрозы, требующей срочного отражения удара и оправдывающей отступление от правил, приемлемых для мирного времени.

РГВА. Ф. 198к. Оп. 2. Д. 292. Л. 148–166. Подлинник.
На бланке французского военного атташе в Польше с печатью.
Перевод с французского яз. Л.И. Кудрявцевой.

Документы к публикации подготовили:

Андрей Николаевич Артизов – д.и.н., руководитель Федерального архивного агентства. 115035, г. Москва, Софийская наб., д. 34, стр. 1. E-mail: artizov_an@gov.ru.

Сергей Валерьевич Кудряшов – к.и.н., научный сотрудник Германского исторического института в Москве. 109044, г. Москва, Воронцовская ул., 8 стр. 7. E-mail: sergey.kudryashov@dhi-moskau.org.

French Documents on the Beginning of the World War II

Andrey N. Artizov, Sergey V. Kudryashov
DOI 10.24833/2071-8160-2019-3-66-202-246

Federal Archival Agency
German Historical Institute in Moscow

Abstract: The Federal archival agency, the Russian Ministry of foreign affairs and the Russian Historical Society organized in 2018 a large-scale historical documentary project (an exhibition and online publication) on the background and consequences of the Munich Agreement (November 1937 – March 1938)¹¹ This year marked by the 80th anniversary of the beginning of Second World War the project is to be continued in the form of an exhibition and an online publication of archival documents. We offer our readers some French documents. They are stored at the Russian State Military Archive in the fund «The Ministry of War of France. Military districts, fortified areas, army, corps, divisions, regiments, brigades,

¹¹ *Miunkhen – 38. Na poroge katastrofy: katalog istoriko-dokumental'noi vystavki* [Munich – 38. On the verge of crisis: catalogue of the historic-documentary exhibition: Moscow, Federal Archives Exhibition Hall, September 19 – October 14, 2018]. Moscow, Kuchkovo field Muzeon, 2018. 160 p.: Il. (In Russian).

Nakanune i posle Miunkhena. Arkhivnye dokumenty rasskazyvaiut. K 80-letiiu «Miunkhenskogo sgovora» [Before and After Munich. Archival documents. To the 80th anniversary of «Munich Agreement»]. URL: <http://munich.rusarchives.ru> (accessed 05.07.2019).

military educational institutions and other military organizations» (RGVA. F. 198k.) The fund contains materials on the activities of the French highest military bodies and their units, as well as documents on the headquarters and garrisons of the French military fortresses.

These documents were moved from Germany to Moscow after the end of World War II and subsequently were incorporated into the foreign funds of RGVA. In 1993–1994 on the basis of bilateral intergovernmental agreement on cooperation in the field of state archives, identification and return of archival documents and on the basis of the Federal Law of April 15, 1998 No. 64-ФЗ «On Cultural Values Moved to the USSR as a Result of the Second World War and Located on the territory of the Russian Federation» the documents of the 198k fund were transferred to France. The most valuable of the them were microfilmed; their copies are kept in the RGVA on the rights of originals.

The two documents being published in this issue of *MGIMO Review of International Relations* are part of the 198k fund (second inventory), containing documents from French military attachés in European countries, which focus on their political and economic situation, armed forces, countries occupied by Germany, foreign and domestic USSR policy, the state of the Red Army, as well as intelligence reports of the 2nd bureau of the General Staff of the French army. Both documents: *Note by the French military attaché in the USSR O.-A. Palace to the Minister of National Defense and the Minister of War of France E. Daladier about the strategic situation in Eastern Europe and its influence on the position of the USSR government on the conclusion of the Anglo-Franco-Soviet agreement on mutual assistance of July 13, 1939* (RGVA. F. 198. Op. 2. D. 466. L. 43–50) and *the Report of the French Military Attaché in Poland F. Musse to the Minister of National Defense and the Minister of War of France E. Daladier on the influence of Poland on the course and results of the Anglo-French-Soviet negotiations of August 24, 1939* (RGVA. F. 198k. Op.2. D. 292. L. 148–166) are published in Russian translation for the first time.

Key words: The Second World War, France, Palace, Daladier, the Soviet Union, archival documents, Anglo-French-Soviet agreement.

The documents for publication are prepared by:

Andrey N. Artizov – Doctor of Historical Sciences, Head of the Federal Archival Agency. 115035, Moscow, Sofiyskaya nab., 34, bld. 1. E-mail: artizov_an@gov.ru.

Sergey V. Kudryashov – Ph.D., Researcher, German Historical Institute in Moscow. 109044, Moscow, Vorontsovskaya Str., 8, build., 7. E-mail: sergey.kudryashov@dhi-moskau.org.

Приложение: фотокопии оригиналов документов (на французском)

Appendix: photocopies of original documents (in French)

<p>AMBASSADE DE FRANCE A MOSCOU</p> <p>L'ATTACHÉ MILITAIRE</p> <p>N° 600/S</p>	<p>CABINET du MINISTRE</p> <p>EXEMPLAIRE N° I Vu par le Général ----- Chef de Cabinet 43</p> <p>Moscou, le 15 Juillet 1939</p>
<p>SECRET</p> <p>Le Général PALASSE, Attaché Militaire près l'Ambassade de France à <u>Moscou</u></p> <p>à Monsieur LE MINISTRE DE LA DÉFENSE NATIONALE ET DE LA GUERRE Etat-Major de l'Armée - 2-ème Bureau <u>Paris</u></p>	
<p><u>Objet :</u></p> <p>Conclusion d'un pacte tripartite entre l'Angleterre, la France et l'U.R.S.S.</p> <p>J'ai l'honneur de vous adresser ci-joint, à titre de compte rendu, la copie d'une note faisant con- naître mon avis sur la situation actuelle des pourparlers relatifs à la conclusion d'un pacte tripartite entre l'An- gleterre, la France et l'U.R.S.S.</p> <p>Ce travail m'avait été demandé par notre Ambassadeur, M. Naggier, qui en a transmis télégraphi- quement une synthèse à son département sous le N° 699 du 15 Juillet.</p> <div data-bbox="739 1485 1048 1675"> </div>	

РГВА. Ф. 198к. Оп. 2. Д. 466. Л. 43

AMBASSADE DE FRANCE
A MOSCOU

ATTACHE MILITAIRE

N° 599/S

Exemplaire N° 1

Moscou, le 13 Juillet 1939

74

SECRET

NOTE

La situation stratégique sur le front oriental de l'Europe. Sa répercussion probable sur l'attitude du Gouvernement soviétique dans les pourparlers relatifs à la conclusion d'un pacte tripartite entre l'Angleterre, la France et l'U.R.S.S.

Si l'on examine la situation stratégique actuelle sur le front oriental, on reste frappé de l'analogie qu'elle présente avec celle que nous avons connue en Septembre 1938.

La Pologne est complètement isolée de ses alliées, la France et l'Angleterre, comme l'était la Tchéco-Slovaquie. Par sa propre volonté elle s'est privée, jusqu'à ce jour, d'une aide militaire soviétique effective, en refusant tout passage de troupes sur son territoire.

Aujourd'hui encore, comme en 1938, la Russie ne pourrait lutter sur terre contre l'Allemagne qu'en Prusse Orientale, à la faveur d'un passage obtenu par des négociations avec l'Estonie, la Lettonie et la Lithuanie ou exigé d'elles au moment favorable.

Dans les circonstances actuelles, une coopération soviétique éventuelle à une action contre l'Allemagne ne pourrait donc se produire que sous les formes suivantes :

.....

- 2 -

45

- a) - Par un appui matériel à la Pologne (matières premières, matériels de guerre ...)
- b) - Par l'action de la flotte soviétique en Baltique; action bien précaire d'ailleurs puisque, dans cette mer, l'U.R.S.S. ne possède qu'une très faible étendue de côtes et qu'elle reste réduite au seul port de guerre de Léninegrad - Kronstadt dont la liberté dépend, pour une grande part, de la bonne volonté de l'Estonie et de la Finlande.
- c) - Par des actions d'aviation, principalement sur la Prusse Orientale, en accord avec la Pologne.
- d) - Par la concentration de troupes soviétiques en des points convenables de sa frontière occidentale, afin d'être en mesure à tout moment, de produire une intervention rapide en faveur d'une Pologne qui, jugeant mieux de ses intérêts et de ses devoirs envers ses Alliés, consentirait enfin à être aidée.

Il ne faut pas se dissimuler qu'une telle action risque de se produire trop tard, alors que l'on se trouverait en présence d'une Pologne déjà battue.

D'autre part, si nous examinons les conquêtes déjà réalisées pacifiquement par l'Allemagne depuis Munich (Septembre 1938) nous voyons qu'elle a commencé l'annexion de la Pologne, par l'annexion que l'on peut dire, dès à présent complète, de la Tchéquie et de la Slovaquie, comme elle avait commencé celui de la Tchécoslovaquie par l'annexion de l'Autriche.

Le seul élément favorable réside dans l'attitude plus compréhensive et plus ferme de l'Angleterre qui permet une égale fermeté de la Pologne, aussi

.....

- 3 -

46

longtemps tout au moins que cette dernière ne sera pas aux prises avec les dures réalités du combat. Il faut reconnaître aussi qu'en une année, la préparation à la lutte de la France, de l'Angleterre et de l'U.R.S.S. paraissent avoir progressé d'une manière sensible.

Un simple coup d'œil jeté sur une carte à jour (calque joint) permet de se rendre compte de la situation stratégique défavorable de la Pologne, menacée sur une étendue considérable de frontières et déjà tournée sur son flanc droit par la Prusse Orientale et par la menace de Memel fortifiée en présence d'un pays aussi faible que la Lithuanie.

En effet :

Au Nord, il paraît douteux que la Pologne puisse tenir dans le couloir, où la ville de Dantzig est déjà acquise aux Allemands et où ces derniers ne manqueront pas de produire un effort considérable pour réunir la Poméranie à la Prusse Orientale.

La liberté d'action presque totale de l'Allemagne en Baltique lui permet d'ailleurs d'amener, par mer, tous les renforts nécessaires en Prusse Orientale.

Si l'on fait même abstraction du travail d'intimidation qu'elle a déjà produit dans les Pays Baltes, il faut constater que son action s'est déjà étendue au-delà de la Prusse Orientale, par l'occupation du port et de la ville fortifiés de Memel.

La ville de Varsovie, capitale de la Pologne, peut donc être rapidement menacée par des attaques partant respectivement de Prusse Orientale et de Silésie sur les directions générales :

Köln - Varsovie et

Breslau - Varsovie.

.....

- 4 -

47

De même une offensive partant de Slovaquie en direction générale de Lwów (Lemberg) permettrait de séparer l'Armée polonaise de son alliée la Roumanie.

Si l'on étudie le problème inverse, il paraît difficile d'envisager raisonnablement l'hypothèse d'une offensive polonaise en Allemagne, vers Berlin par exemple, aussi longtemps que la question de la Prusse Orientale, de Memel et des Pays Baltes, dont il est parlé ci-dessus, n'aurait pas été résolue.

Nous risquons donc de voir la Pologne isolée, dominée par une Allemagne qui se serait couverte à peu de frais sur son front occidental et vaincue avant même que la France et l'Angleterre, arrêtées trop longtemps sur la ligne Sigfried, puis sur le Rhin aient pu lui porter une aide efficace.

Il m'apparaît de plus en plus certain que ces diverses considérations n'ont échappé, ni aux militaires soviétiques, ni à M. Staline dont la politique extérieure s'oriente chaque jour plus nettement vers une politique nationale russe. Ayant vu, en 1938, ses pactes d'assistance mutuelle avec la France et la Tchécoslovaquie rester lettre morte parce qu'ils n'étaient pas vivifiés par des accords militaires et parce que nous avons toujours paru nous dérober même à de simples conversations d'Etat-Major à trois - l'U.R.S.S. n'est certainement pas disposée à retomber, cette année, dans les mêmes erreurs.

Ainsi qu'elle l'a exprimé à diverses reprises, avant même l'ouverture des actuels pourparlers,

.....

- 5 -

48

si elle consent à se découvrir vis-à-vis de l'Allemagne, ce ne sera qu'à la faveur d'une solution satisfaisante du problème militaire, alors qu'elle jugera l'action suffisamment bien sentie et liée pour croire au succès et se juger garantie.

Les susceptibilités et les méfiances éveillées au cours des pourparlers ne seront apaisées que par l'élaboration d'accords précis, établissant les devoirs de chacun au cas d'agression.

Je ne crois pas que l'U.R.S.S. qui paraît avoir étudié, dès à présent, le problème militaire, consente à signer et à rendre effectif un accord politique, si elle n'est pas assurée que l'entente pourra se faire sur des accords militaires organisant solidement, malgré toute la complexité déjà mentionnée, la résistance du front oriental.

Il ne semble donc indispensable d'être fixé, au plus vite, sur ce que pensent le Gouvernement et l'Etat-major soviétiques à cet égard et j'estime qu'un contact devrait être rapidement assuré pour une première consultation d'experts militaires français et anglais auprès de l'Etat-major soviétique.

J'ignore tout des intentions de l'Etat-major soviétique puisque je n'ai jamais été invité à poser des questions précises à ce sujet.

Mais, au cours des pourparlers, M. Molotov a fait connaître que le Gouvernement soviétique chiffrait à 100 Divisions l'effort militaire qui lui incomberait du fait des obligations à assumer dans le pacte en préparation.

.....

- 6 -

49

Il est évident que cet effort est hors de proportion avec l'aide à la Pologne envisagée ci-dessus.

L'action russe à laquelle il vise doit être d'un autre style.

J'estime personnellement qu'un appoint considérable à la cause des Alliés, serait apporté par l'U.R.S.S., si l'on arrivait, indépendamment des appuis visés ci-dessus, à lui faire assurer la couverture du flanc droit polonais, si gravement menacé.

Diverses possibilités s'offrent à cet égard, que je ne ferai qu'esquisser rapidement :

A - Offensive ne touchant en rien au territoire polonais mais affectant celui des Pays Baltes.

Offensive sur l'axe Ostrov, Daugavpils, Kaunas, Koenigsberg, couverte au Nord par une action sur l'axe : Pskov, Riga, Memel.

B - Offensive empruntant une partie restreinte de territoire polonais, une partie très faible de territoire letton et le territoire de Lithuanie.

Offensive sur l'axe : Minsk, Kaunas, Koenigsberg, couverte au Nord par une action sur l'axe : Polotsk, Daugavpils, Memel.

Il est bien évident que de telles offensives devraient être menées en liaison étroite, au Sud, avec l'armée polonaise.

En résumé, je crois que si nous voulons arriver à lier la Russie afin de constituer un groupement de forces vraiment susceptible d'arrêter l'agression et peut-être d'éviter la guerre, il faut :

.....

- 7 -

50

- Prendre immédiatement des contacts avec l'Etat-Major soviétique.
- Préparer la mentalité polonaise déjà mieux disposée à accueillir nos suggestions.
- Peut-être préparer les Pays Baltes en les rassurant et en leur donnant confiance en notre force.

Je ne permettrai d'ajouter enfin que je considère toujours possible, si nous n'arrivons pas à traiter rapidement, de voir l'U.R.S.S. s'isoler tout d'abord dans une neutralité d'expectative, pour arriver ensuite à une entente avec l'Allemagne, sur la base d'un partage de la Pologne et des Pays Baltes.

Le Général PALASSE
Attaché Militaire

AMBASSADE DE FRANCE
EN POLOGNE

Exemplaire N° 1.....

L'Attaché Militaire

SECRET

148

RAPPORT N° 163/, du 24 AOUT 1939

Résumé des événements survenus depuis le précédent rapport.....	1
L'Etat-Major Polonais et les conversations de Moscou.....	1 à 17
La situation à Dantzig	18
La campagne allemande contre la Pologne	19 - 20

Le Général MUSSE, Attaché Militaire
de France en Pologne :

РГВА. Ф. 198к. Оп. 2. Д. 292. Л. 148

149

RESUME DES EVENEMENTS SURVENUS DEPUIS
LE PRECEDENT RAPPORT

amb

Dans ces derniers jours , l'accroissement des mesures militaires en Allemagne , l'extrême violence de la campagne menée par la presse et la radio allemande , témoignaient que la pression sur la Pologne allait être poussée à fond .

Néanmoins , les dirigeants polonais conservaient leur calme et leur entière confiance , et il n'a pas été possible de les amener à consentir aucune concession aux exigences présentées par les Soviétiques à nos délégations militaires à Moscou .

Le départ pour Moscou de M. de RIBBENTROP et la situation toute nouvelle qui en résultait ont enfin fait fléchir cette intransigeance , mais apparemment trop tard.

L'annonce de ce voyage avait beaucoup inquiété les milieux politiques ; la presse toutefois maintenait une attitude de parfaite sérénité et l'opinion n'a pas paru s'émouvoir .

Aujourd'hui , le pacte germano-russe est un fait accompli .

Le Gouvernement polonais a décidé cette nuit de renforcer sévèrement ses mesures de précautions . Plusieurs incidents de frontière sont signalés , le courrier diplomatique polonais aurait été arrêté par les autorités allemandes . Il est probable que les événements vont maintenant se précipiter .

150

- L'ETAT-MAJOR POLONAIS ET LES CONVERSATIONS DE MOSCOU.-

J'ai l'honneur de rendre compte ci-après de la mission qui m'avait été donnée de mettre l'Etat-Major Polonais au courant des négociations militaires de Moscou et de recueillir ses suggestions.

L'état des pourparlers de Moscou et les conditions posées par les russes m'étaient connus par les télégrammes :

- du 14 août du Général DOUMENC,
- du 15 août de notre Ambassadeur à Moscou, communiqué à l'Ambassade de Varsovie,
- du 16 août du Quai d'Orsay concernant l'entretien de Mr BONNET avec l'Ambassadeur de Pologne.

De plus, le 17 août à 21 heures arrivait à Varsovie le Capitaine BEAUFRE, envoyé secrètement par le Général DOUMENC. Il m'apportait verbalement tous les détails utiles sur l'évolution suivie par les négociations. Il résultait de son exposé que les pourparlers étaient au point mort, qu'ils étaient pratiquement interrompus; que leur reprise paraissait subordonnée à une réponse favorable de l'Etat-Major Polonais et enfin, que le temps pressait, cette reprise ne pouvant pas être différée au delà du 20 ou du 21 août (1).

Premier entretien avec le Chef du Grand Etat-Major.

Le lendemain 18 août, à 11 heures 30, j'avais un long entretien avec le Général STACHIEWICZ, Chef du Grand Etat-Major. En même temps, l'Ambassadeur de France était reçu par Mr BECK, qui recevait ensuite dans la soirée

/....

(1) un télégramme de Mr Naggiar confirmait bientôt que la prochaine séance était en effet fixée au 21 août.

157

l'Ambassadeur d'Angleterre, chargé par son Gouvernement d'appuyer les demandes françaises.

Après avoir montré au Général STACHIEWICZ l'ordre qui m'accréditait, je lui ai d'abord confirmé, de la part de notre délégation à Moscou, qu'aucun renseignement concernant l'Armée Polonaise n'avait été et ne serait fourni aux Russes.

Ensuite, je lui ai fait un exposé aussi complet que possible, en insistant sur les points suivants :

- Importance que nous attachons à la constitution d'un front de résistance dans l'Est de l'Europe, avec la participation russe, qui est de nature à en renforcer de beaucoup l'efficacité,

- Le Gouvernement Polonais a d'ailleurs reconnu lui-même l'utilité de cette constitution.

- Plus important encore est d'éviter un échec dont les conséquences seraient incalculables; au moment où HITLER hésite entre la paix et la guerre, la rupture des négociations serait un élément capable de le déterminer aux pires audaces. La Pologne y est intéressée au premier chef.

- Nous connaissons vos sentiments, vos objections, les motifs de votre attitude politique, nous ne vous demandons pas de la modifier, mais seulement de ne pas rendre impossible la tâche de nos représentants.

- Or, même limitées aux questions de communications, de ravitaillement et de transit, les négociations ne peuvent se poursuivre utilement sans la participation ou tout au moins l'accord tacite de l'Etat-Major Polonais.

- Si vous ne voulez pas participer, faites confiance au Général DOUMENC, précisez vos besoins et vos suggestions, il les prendra à son compte et dressera le programme des études à faire avec les Russes. C'est ainsi que nous avons

/.....

132

procédé à Ankara; le Général HUNTZIGER a négocié seul, l'Angleterre a ensuite approuvé.

- Ce n'est pas tout, les Russes se montrent décidés à apporter à la coalition une aide effective, réelle, directe; ils ne veulent pas être des alliés de deuxième zone, se bornant à ravitailler les combattants. Ils veulent combattre aux côtés de la Pologne, quelle que soit d'ailleurs la manière dont le conflit sera déclenché; leur offre de collaboration est valable dans tous les cas où la Pologne serait en guerre avec l'Allemagne.

- Mais ils tiennent à avoir dès maintenant la certitude que leur action militaire pourra s'exercer. Pour cela, les moyens sont à étudier:

- Aviation
- envoi de matériel,
- renforts en troupes techniques fournies

aux armées polonaises.

- enfin éventualité de l'emploi de forces russes sur le territoire polonais, dans des couloirs qui seraient strictement délimités, par exemple à l'extrême Nord et à l'extrême Sud de la Pologne.

C'est la certitude de pouvoir envisager cette éventualité qu'ils ont demandée à nos délégations; là est maintenant le noeud du débat, les négociations ne pourront reprendre que quand nos représentants seront en mesure de donner une réponse favorable.

- Il ne s'agit pour vous que d'une adhésion de principe, absolument secrète et sur le terrain purement militaire; elle prendra la forme que vous voudrez: soit accord, si vous acceptez de participer aux négociations, soit

/.....

153

consentement officieux, soit même tacite, de vous à nous; cela suffira pour permettre à nos délégations d'envisager avec les représentants soviétiques l'utilisation éventuelle de couloirs en territoire polonais, contre l'assurance formelle de la part des Russes de ne pas en déborder, ni d'y rester.

- Dès lors, le Général DOUMENC pourra pousser à fond l'étude et la discussion de tous les modes d'assistance que les Russes peuvent vous fournir, en particulier avec leur aviation.

- Vous avez donc une réponse à me donner d'ici dimanche matin, sur laquelle j'appelle votre attention; tout ce que nous vous demandons c'est de ne pas prendre une attitude qui entraîne inévitablement la rupture des pourparlers.

- Je répète que les conséquences d'un échec seraient incalculables en ce moment.

- Mesurez-les en regard de ce que nous vous demandons: un consentement tacite et limité, sur le plan militaire, car nos négociateurs ont bien le sentiment que les Russes n'ont en vue que des considérations stratégiques; consentement provisoire d'ailleurs, car il ne s'agit que de pouvoir poursuivre les études, rien de définitif ne sera fait sans avoir été au préalable soumis à votre approbation.

- En échange, vous gagnez une aide directe et réelle qui a sa valeur, et surtout la garantie de vos arrières et l'organisation de vos communications et ravitaillements par le territoire russe, organisation qui serait difficilement improvisée au moment du besoin et qui doit être minutieusement préparée.

- Je sais que votre idée est d'attendre l'ouverture des hostilités pour causer avec les Russes, mais alors il sera bien tard. Vous risquez, surtout si le Gouvernement

/...

154

des Soviets est indisposé par l'échec des pourparlers actuels, de trouver une Russie strictement neutre et même malveillante, qui ne vous apportera aucun concours sur vos arrières.

- En tout état de cause, vous négocierez alors dans de mauvaises conditions, car, étant aux prises avec les allemands, vous n'auriez plus votre liberté d'action, vous risqueriez de trouver du côté russe des exigences beaucoup plus sévères que celles qui sont formulées maintenant.

- Votre intérêt certain est que le problème soit traité actuellement, alors que vous n'êtes pas sous la pression de la nécessité et que les pourparlers sont menés dans le cadre général du front de l'Est, par la France et la Grande Bretagne et sous leur garantie.

- Je le répète, il ne s'agit pour vous que de donner un consentement secret et tacite à la continuation d'études techniques en dehors de toute question politique, consentement qui ne vous engage d'ailleurs à rien de définitif.

- C'est bien peu de chose, semble-t-il, en regard de l'avantage d'éviter peut-être la guerre et en tout cas d'y entrer avec l'appui de l'aviation russe et adossé à un front oriental bien constitué, en regard aussi de la gravité d'un refus.

Le Général STACHIEWICZ m'avait écouté avec grande attention, sans m'interrompre et en prenant de nombreuses notes. Sur la plupart de mes arguments, il ne fit aucune objection.

/.....

155

Il me demanda si les couloirs réservés aux Russes leur seraient ouverts automatiquement au début de la guerre. Je répondis que les conditions d'entrée des forces soviétiques sur le territoire polonais ^{en} était précisément parmi les points à discuter, si les pourparlers continuaient, et à soumettre ensuite à l'Etat-Major Polonais.

Puis il marqua son étonnement et sa méfiance devant les propositions russes:

"Je ne puis croire que les Russes désirent réellement se battre avec les Allemands; il leur est si commode de rester en deuxième ligne, la Pologne les couvre. Pratiquement d'ailleurs, comment pourraient se développer leurs actions offensives, en des couloirs étroits, en un pays si mal pourvu de communications ! Où et comment atteindraient-ils les forces allemandes ? Je ne le vois pas; il n'y a là dedans rien de réel. C'est un bluff trop évident, un chantage; ils recommencent sur le terrain militaire, la même tactique de chantage qu'ils ont suivie au cours des négociations politiques avec vous. Ce qu'ils cherchent, c'est à prendre sur nous un avantage politique qui pèserait lourdement sur notre avenir car, malgré le secret promis, ils ne manqueraient pas de l'exploiter. Si nous les autorisions à entrer sur notre territoire, ils y resteraient, ils s'y établiraient et n'iraient pas plus loin, sous toutes sortes de prétextes, ils ne s'engageraient pas contre les allemands".

Nous discutâmes longuement. Je développai à nouveau mes arguments, en particulier sur les conditions difficiles dans lesquelles la Pologne se trouverait pour traiter avec l'U.R.S.S. après le début des hostilités. Le général croyait au contraire que le Gouvernement de Moscou serait disposé à ce moment, plus qu'en temps de

/...

de paix, à aider la Pologne à lutter avec les allemands et que l'entente s'établirait facilement.

J'insistai aussi sur la gravité d'un échec des négociations de Moscou; il ne le contesta pas, en déplo- rant qu'on se fut engagé dans cette impasse.

Quant à l'idée d'accepter la proposition russe, il la voyait sous les plus sombres couleurs: "peu importe "alors que la guerre soit gagnée ou perdue, si les Russes "sont sur notre territoire, ils y resteront; même victo- "rieuse, la Pologne sera amputée, car les alliés feront-ils "la guerre pour forcer les troupes soviétiques à évacuer "les régions occupées?"

Finalement, il conclut: "une telle décision me "dépasse, je vais en rendre compte au Maréchal qui déci- "dera".

A la suite de cet entretien, j'envoyai un télégram- me 150/S à Paris et à Moscou.

L'attitude du Chef d'Etat-Major laissait peu d'espoir d'une issue favorable. L'entretien que l'Ambas- sateur de France eut dans le même temps avec Mr BECK laissa une impression encore moins encourageante. Le Ministre des Affaires Etrangères marqua la même défiance, ajoutant que depuis le début des négociations politiques de Moscou, l'U.R.S.S. manœuvrait pour faire retomber la responsabilité de leur échec sur la Pologne; il préten- dait en outre que si la Pologne faisait la faute d'accep- ter les exigences russes, le Reich en serait informé par les Soviets eux-mêmes et la guerre deviendrait inévita- ble. Il consentit cependant à rechercher une formule, avec les Chefs de l'Armée, mais sans grand espoir. Vis à vis de l'Ambassadeur d'Angleterre, Mr BECK ne se montra pas mieux disposé.

/....

-Deuxième entretien avec le Général STACHIEWICZ.

Le samedi 19 août, dans la matinée, mon collègue Britannique, le Colonel Sword, venait me montrer un mémoire qu'il venait d'établir de concert avec un de ses camarades de la Marine Royale, pour exposer, en se plaçant surtout au point de vue marine et communications, les avantages que l'Etat-Major Polonais trouverait dans l'acceptation de la proposition russe. Il désirait présenter ce mémoire au Chef du Grand Etat-Major.

Je saisis aussitôt cette occasion de faire une nouvelle tentative auprès du Général STACHIEWICZ et je lui demandai ~~avant~~ une entrevue en le priant d'ajourner l'envoi de la réponse polonaise.

Il nous reçut, le Colonel Sword et moi, à midi 30. Je le trouvais encore moins disposé que la veille à se ranger à notre point de vue.

Il contesta les arguments du Colonel Sword en ce qui concerne les possibilités de transit à travers le territoire soviétique: "les soviets, dit-il, nous achètent du charbon de Haute Siélsie, parce qu'ils sont incapables d'alimenter leurs usines avec leur charbon russe, par défaut de rendement de leurs moyens de transport".

L'Attaché Militaire Britannique émit l'idée qu'on pourrait envisager le transport des troupes russes en territoire polonais en trains fermés, comme cela se pratique pour les transports militaires allemands, à travers le corridor poméranien; il esquaissa un plan de transport entre la région de Minsk et les noeuds ferroviaires de Wilno, Grodno, Bialystok. Le Général se récria: "Grodno, Bialystok, mais c'est le coeur de la Pologne", puis une armée ne reste pas dans des trains, il lui faut des arrières, donc un territoire! Quant au mouvement des forces soviétiques

/...

188

au Nord de Wilno, il considérait que c'était une opération illusoire, en raison des faibles ressources en routes et voies ferrées de cette région, qui d'ailleurs mène à la Lithuanie et non à la Prusse Orientale.

Le Colonel Sword convint qu'il était difficile pour l'Etat-Major Polonais, d'accepter les exigences russes ex-abrupto, alors que la question n'avait pu être étudiée et que peut-être son opinion changerait quand on le mettrait en présence d'un memorandum établi à loisir où tous les arguments auraient pu être réunis.

Le Chef du Grand Etat-Major répondit qu'aucune argumentation ne pourrait amener la Pologne à s'écarter d'un principe sacré, fixé comme essentiel par le Maréchal PIŁSUDSKI : n'admettre en aucun cas des troupes étrangères sur le sol polonais. "Etant donné notre position géographique, ce principe est la clef de voûte de notre indépendance, nous l'avons opposé aux allemands, il n'est pas moins valable à l'égard des Russes; en vain, vous me dites que la question est seulement sur ^{le} plan militaire; consentir, en temps de paix, à envisager l'entrée de troupes étrangères sur le territoire national est avant tout un acte politique; qui engage le Gouvernement Polonais, nous n'en admettons pas l'idée, ni même l'hypothèse, fut-ce un instant, fût-ce dans la fiction d'un Kriegspiel. Du reste notre position à ce sujet est bien connue, notre gouvernement l'a maintes fois proclamée, elle n'a jamais varié."

Les maîtres-mots avaient été dits; après cela, il était bien évident, connaissant les Polonais, qu'ils demeuraient irréductibles.

Nous épuîsâmes cependant toutes les formules possibles de compromis. Le Chef du Grand Etat-Major ne voulut même pas envisager l'utilisation des plateformes ~~aériennes~~ polonaises par l'aviation russe, répétant que c'était une

/...

159

question qui ne pourrait se poser qu'après l'ouverture des hostilités. Il était avant tout préoccupé de ne pas laisser subsister le moindre doute sur la résolution définitive de l'Etat-Major et du Gouvernement Polonais de n'admettre en aucun cas l'éventualité de l'entrée des Russes sur le territoire national et de ne se prêter à aucune conversation avec eux, en temps de paix.

Il revenait toujours sur l'impossibilité de se fier à des engagements pris par les Soviets : "Nous représentons ici trois Pays honnêtes et nous avons confiance réciproque dans nos engagements; avec les Russes c'est une autre affaire".

Quant à la valeur de l'Armée soviétique, il cita l'opinion de l'Attaché Militaire Allemand à Moscou : "capable de défendre son territoire, incapable d'une offensive à l'extérieur".

Je repris l'idée du memorandum, en montrant au Général que si, par chance, les négociations de Moscou pouvaient se poursuivre, on pourrait y faire un travail extrêmement utile en envisageant dans son ensemble la collaboration de tous les éléments (Polonais, Russes, Roumains, Turcs) appelés à constituer le front oriental, que ces études, poursuivies avec le concours des Russes, pourraient aboutir à l'établissement d'un mémoire qu'il ne refuserait certainement pas d'accueillir, s'il lui était transmis par les Etat-Majors français et anglais. Ce mémoire exposerait les différentes modalités que pourrait prendre l'appui soviétique; l'Etat-Major Polonais aurait tout intérêt à en prendre connaissance et à formuler ses observations.

Avec quelque méfiance, le Général STACHIEWICZ répondit qu'il soumettrait cette proposition au Maréchal, mais

/..

140
qu'il était bien entendu que l'Etat-Major Polonais ne reviendrait en aucun cas sur son refus de laisser entrer les Russes ou de collaborer avec eux.

Il marqua même beaucoup de scepticisme au sujet de l'utilité d'étudier avec les Représentants Soviétiques le fonctionnement et l'amélioration des communications. "Ils ne feront rien, dit-il; si la guerre éclate et qu'ils veuillent nous aider, ce sera très simple, on utilisera les lignes qui servent aujourd'hui au trafic commercial; les autres n'ont que peu de rendement."

Il était évident que la discussion ne faisait que renforcer le parti-pris de notre interlocuteur; il ne restait plus qu'à essayer de ne pas couper toute possibilité de manœuvre à notre Délégation à Moscou et pour cela à ne pas enregistrer un refus formel de la part de l'Etat-Major Polonais.

"Je vois quelle sera votre réponse, dis-je au Général STACHIEWICZ, mais nous ne me l'avez pas encore donnée officiellement."

"Je puis le faire tout de suite, j'en ai le pouvoir" me répondit-il.

"Ne me la donnez pas, nous sommes fixés, mais il vaut mieux que notre délégation à Moscou puisse agir comme si aucune question ne vous avait été posée".

Non sans émotion, le Général nous dit qu'il comprenait nos efforts pour éviter une rupture des négociations, qu'il était désolé de ne pouvoir nous les seconder et qu'il admettrait volontiers de considérer que la question ne lui avait pas été posée, si nous estimions que la tâche de nos représentants à Moscou pourrait en être facilitée.

Il nous fixa un nouveau rendez-vous dans la soirée pour nous donner la réponse du Maréchal, à propos du memorandum.

/...

161

Un coup de téléphone ultérieur remit ce rendez-vous au lendemain matin, le Général ayant dû s'absenter.

Dans la soirée, l'Ambassadeur de France était reçu par Mr BECK. Le Ministre, tout en reconnaissant la valeur de certains de nos arguments, déclarait que, d'accord avec le Maréchal, le Gouvernement Polonais maintenait sa position, qu'il ne voulait avoir aucun accord militaire avec l'U.R.S.S. et qu'il n'admettait pas que l'on pût discuter, sous une forme quelconque, de l'utilisation d'une fraction de territoire national par des troupes étrangères.

Il fut convenu que cette réponse était donnée "entre nous" et que le Gouvernement Polonais nous laissait le soin de considérer - si nous le jugions à propos - que la question n'avait pas été posée à la Pologne.

C'est cette dernière position que, dès avant cette entrevue, j'avais chargé le Capitaine BEAUFRE, partant à 17 heures pour Moscou, de suggérer à notre Délégation, estimant que celle-ci pourrait baser là dessus une tactique consistant à contre-attaquer les Russes sur ce que leurs exigences préparées et imprécises ne pouvaient raisonnablement être présentées aux Etat-Majors intéressés avant une étude plus approfondie.

Troisième entretien avec le Général STACHIEWICZ.

Le Chef du Grand Etat-Major nous reçut, le Colonel Sword et moi, le dimanche 20 août à 13 heures.

Il nous dit que la question était close par la réponse donnée la veille par Mr BECK d'accord avec le Maréchal.

/..

162

En ce qui concerne le memorandum à soumettre éventuellement à l'Etat-Major Polonais concernant la collaboration d'ensemble sur le front oriental, il confirma qu'il accepterait d'en prendre connaissance, mais en spécifiant bien que cela ne signifiait aucunement que la Pologne pût changer son point de vue concernant l'entrée des troupes étrangères sur son territoire.

Il tint à préciser qu'aucun doute ne devait rester sur la décision irrévocable du Gouvernement Polonais à ce sujet et qu'en particulier il fallait éviter tout ce qui pourrait laisser croire aux Soviets que la Pologne était susceptible de modifier éventuellement l'attitude qu'elle avait toujours maintenue jusqu'ici.

Je répondis au Général qu'il restait bien peu d'espoir de pouvoir poursuivre les négociations de Moscou, mais que, dans le cas où les choses tourneraient ainsi, j'espérais qu'il ne refuserait pas d'être tenu au courant par moi de ces négociations et qu'il consentirait également à me faire connaître - strictement entre nous - les conceptions et les besoins de l'Etat-Major Polonais, de façon que nos négociateurs puissent en tenir compte dans leurs études.

Le Général ne fit pas d'objection, tout en rappelant une fois de plus la position inébranlable prise par la Pologne.

Nous nous sommes heurtés à un dogme légué par le Maréchal PIŁSUDSKI. C'est un obstacle qu'on ne franchit pas, étant donné la mentalité des dirigeants polonais, dont cependant le point de vue à l'égard des Russes a depuis 6 mois beaucoup évolué.

/...

163

Mais ce rapprochement , qui n'est guère qu'une amélioration de l'atmosphère entre les deux pays et qui pratiquement, a été maintenu sur le plan commercial, laisse intactes les données essentielles de la politique polonaise.

Le Gouvernement Polonais et l'Etat-Major ont toujours été très nets sur ce point et j'ai eu à maintes reprises l'occasion dans mes rapports (1) de constater qu'une entente militaire ou politique avec les Soviets dès le temps de paix, et spécialement l'idée d'admettre les troupes russes sur le territoire polonais demeuraient entièrement exclues. Ce n'est qu'après l'ouverture des hostilités qu'une entente pourrait être recherchée avec les Soviets, que la menace allemande rendrait alors, espérail-on, beaucoup plus coulants .

Les Polonais ne veulent pas admettre que l'intégrité de leur territoire puisse être mise en question, fut-ce sous couleur de leur porter assistance. L'histoire justifie amplement , à leurs yeux, ce principe basé sur une méfiance égale à l'égard de leurs deux grands voisins.

Nouvelle situation résultant des négociations germano-soviétiques.

L'annonce par le D.N.B. de la prochaine conclusion d'un accord de non agression germano-soviétique et du voyage de Mr de RIBBENTROPP à Moscou pour le 23 août est tombée ici comme une bombe.

Dans leur première réaction, Mr BECK, qui reçut l'Ambassadeur de France dans la nuit du 21 au 22 août

(1) - Notamment rapports du 11 janvier, 6 avril, 19 juillet, 2 août 1939.

et le Général STACHIEWICZ que j'allai trouver le 22 au matin, virent dans cet événement la justification éclatante de leur méfiance contre les Soviets. L'un et l'autre étaient fort calmes et tendaient à considérer que la situation n'en était que peu modifiée, que la position des puissances occidentales et celle de la Pologne devaient demeurer aussi fermes, que d'ailleurs il fallait attendre pour apprécier la portée réelle de cet accord et que Mr de RIBBENTROPP, à son tour, allait connaître les surprises et les déceptions que réserve à ses partenaires la duplicité de la diplomatie soviétique.

Les collaborateurs du Ministre des Affaires Etrangères et le 2ème Bureau étaient moins optimistes et jugeaient la situation très grave. La presse du jour se bornait à enregistrer le communiqué du D.N.B. sans commentaires mais l'émotion était vive dans les milieux politiques.

Le Chef du Grand Etat-Major me dit qu'il étudiait avec le Maréchal, les mesures de précautions qui pouvaient être à prendre.

Cependant, on apprenait que les délégations militaires française et anglaise restaient à Moscou et que la conclusion du pacte germano-soviétique paraissait moins avancée et sa portée plus restreinte que les nouvelles de source allemande avaient essayé de le faire croire.

Dans la nuit du 22 au 23, des instructions du Quai d'Orsay donnaient mandat à l'Ambassadeur de France de tenter une nouvelle démarche auprès du Gouvernement Polonais pour le faire revenir, si possible, sur son refus d'envisager, même tacitement, une collaboration militaire avec les Soviets. La situation était en effet

/.....

165

profondément modifiée; il devenait nécessaire et il semblait possible de contrecarrer à Moscou la manœuvre allemande et peut-être même de la faire partiellement échouer, ce qui aurait pour effet de renverser l'impression produite sur l'opinion dans les divers Etats intéressés. Mais il fallait pour cela que la Pologne se départit de sa position intran-sigeante, qui barrait toute possibilité de négociation avec les Soviets et qu'elle ne pouvait désormais maintenir sans assumer les plus lourdes responsabilités.

Mr Léon NOEL fit le 23 août une démarche pressante auprès de Mr Beck; le Ministre se montra ébranlé, mais il demanda de différer sa réponse et une nouvelle rencontre fut prévue pour midi et quart.

Dans cette deuxième entrevue, Mr Beck céda, non sans manifester à nouveau la profonde aversion que l'éventualité de l'entrée des troupes russes inspire aux Polonais. Il accepta la formule suivante, qui précise le langage que le Général DOUMENC est maintenant autorisé à tenir à ses interlocuteurs soviétiques.:

"Nous avons acquis la certitude qu'en cas d'action commune contre une agression allemande, une collaboration entre la Pologne et l'U.R.S.S., dans des conditions techniques à déterminer, n'est pas exclue (ou est possible).

Les Etat-Majors français et britanniques considèrent dès lors qu'il y a lieu d'étudier immédiatement toutes les hypothèses de collaboration".

Il semble qu'une telle formule ouvre à nos délégations des possibilités de négociation suffisantes. Elle représente pour les Polonais un sacrifice considérable qu'ils n'eussent jamais consenti si la perspective du pacte germano-soviétique

/....

168
n'avait créé une menace immédiate, qui nécessitait une parade
urgente et justifiait une dérogation aux règles valables
pour le temps de paix .

РГВА. Ф. 198к. Оп. 2. Д. 292. Л. 166